

М. Е. Бабичева

ВОЙНА И МИР XX СТОЛЕТИЯ.
Тетралогия Ю. Г. Слепухина:
романы «Перекрёсток» (1962),
«Тьма в полдень» (1968),
«Сладостно и почётно» (1985),
«Ничего кроме надежды» (2000)¹

В художественной литературе о Великой Отечественной войне тетралогия Ю. Г. Слепухина по праву занимает видное место. Можно без преувеличения сказать, что без этого масштабного исторического полотна общая картина событий, литературой созданная, была бы не полной. В то же время, сама тетралогия дает читателю достаточно целостное и достоверное представление о важнейшем событии в истории нашей страны.

В литературном сообществе последних лет застоя Ю. Г. Слепухин — фигура уникальная. Представитель второй волны русской эмиграции, он при первой же возможности вернулся на родину, где и состоялся как писатель.

Родители Юрия носили фамилию Кочетковы, ее он и получил при рождении. Только в 1945 году, спасаясь от насильственной репатриации, вся семья поменяла фамилию (Слепухиной была в девичестве бабушка Юрия по отцовской линии). Родился Юрий 1 августа 1926 года в городе Шахты (неподалеку от Ростова-на-Дону). Детство провел на Северном Кавказе — в Пятигорске и Ставрополе. Ему было всего 16 лет, когда летом 1942 года он оказался в оккупации. В ноябре 1943 всю семью угнали на работы в Германию. До весны 1944 они находились в лагере для восточных рабочих в лагере «Шарнхорст» в городе Эссен. По свидетельству

¹ Печатается по тексту: Библиополе. 2010. № 7. С. 35–39; № 8. С. 30–33.

сестры писателя, Юрий выполнял там тяжелые работы на промышленном производстве. С мая 1944 по май 1945 года семья попала на сельскохозяйственные работы в поместье барона-землевладельца на Нижнем Рейне, неподалеку от голландской границы. Хозяин, опять же по воспоминаниям сестры Слепухина, был человеком вполне порядочным, к рабочим относился доброжелательно и обеспечивал им относительно сносные условия существования. Таким образом, будущий автор романов на собственном опыте изучил различные ситуации, в которых оказывались «остарбайтеры» в фашистской Германии.

Позднее, также на личном опыте, познал он и нелегкий путь «перемещенных лиц». Весной 1945 года Слепухины в числе многих других соотечественников были вывезены в Бельгию для дальнейшего возвращения в Советский Союз. Большая часть потенциальных репатриантов уже хорошо понимала, что на родине их ждут несправедливые репрессии, и всячески пыталась возвращения избежать. Новым эмигрантам активно помогали эмигранты «старые», осевшие в Бельгии после Октябрьской революции и Гражданской войны. Одной из таких семей — бывшему белогвардейскому полковнику Георгию Павловичу Вишнякову и его супруге — обязаны Слепухины возможностью «затеряться» в Брюсселе. Жизнь в этом городе оказала большое влияние на становление Слепухина-писателя. Близкое знакомство с представителями белой эмиграции значительно расширило и отчасти изменило его представление о дореволюционной жизни России. В Брюсселе было несколько русских библиотек, которые Юрий посещал. Бывал он и на лекциях графа Апраксина, знакомявшего эмигрантскую молодежь с отечественной историей. Любознательный юноша ходил по музеям, некоторое время гостил в монастыре иезуитов. Там же в Брюсселе, в православной церкви Слепухин принял крещение и до конца своих дней оставался глубоко верующим человеком.

В 1947 году вся семья в статусе «перемещенных лиц» переехала в Аргентину. Жизнь Слепухина в Буэнос-Айресе была трудной, но насыщенной и интересной. За десять проведенных в Аргентине лет он успел поработать автомехаником, монтажником, электриком, разнорабочим на стройке,

конторским служащим, дизайнером ювелирных изделий. Начинаящий писатель активно участвовал в общественно-политической жизни русской общины, вел работу с молодежью, сотрудничал с эмигрантскими газетами и журналами. До 1955 года он входил в состав руководства Южно-Американского отдела НТС (Национально-Трудового союза, позднее Слепухин вышел из этой организации). В Аргентине у Юрия Григорьевича появилось много новых интересных знакомых в самых разных слоях общества: университетские профессора и студенты, рабочие, инженеры, представители творческой интеллигенции. Отдельные характерные штрихи в поведении, особенности внешности и свойства характеров писатель брал на заметку, в дальнейшем многое пригодилось ему в творчестве. Именно в Буэнос-Айресе в 1949 году Слепухин начал работу над своим первым, во многом автобиографическим романом – «Перекресток». И не случайно темой этого произведения стала довоенная юность, проведенная на родине. Тоска по родине не оставляла писателя в Южном полушарии, несмотря на довольно стабильное положение, хорошие отношения широкого круга знакомых, наличие друзей и относительный материальный достаток. «Русский писатель не может жить вне родины», — ответил в 1930-е годы М. Булгаков Сталину на предложение «выпустить» его за границу. Подобные чувства в разные периоды отечественной истории заставляли вернуться в Россию многих писателей-эмигрантов, принадлежащих к различным «волнам» русского исхода. В этом ряду — с А. И. Куприным, А. Н. Толстым, М. И. Цветаевой, А. И. Солженицыным — и Ю. Г. Слепухин.

К тому времени, когда в СССР произошел судьбоносный XX съезд КПСС, Слепухин имел в Буэнос-Айресе достаточно прочное и с социальной, и с экономической точки зрения положение. Однако, как только возвращение на родину перестало означать немедленные жестокие репрессии, он подал в советское посольство просьбу о репатриации. И уже в 1957 году навсегда вернулся в Россию. Сначала писатель поселился в Воронеже, годом позже, в 1958-ом² обосновался в Ленинградской области, где и прожил до последних дней.

² в 1959 — прим. ред.

Творческое наследие Ю.Г. Слепухина весьма обширно. Явно тяготевавший к большому эпическому жанру, он оставил десять романов и три больших повести. В первые годы после своего возвращения и в период перестройки писатель также активно сотрудничал со средствами массовой информации. Он опубликовал множество публицистических статей и очерков в газетах и журналах, участвовал в радио- телепередачах. Слепухин много и охотно контактировал с отечественным читателем. Писатель проводил многочисленные встречи в самых разных аудиториях: в библиотеках, в научных учреждениях и учебных заведениях, в воинских частях и в производственных коллективах. Он получал тысячи писем и по мере сил отвечал на них. Более тридцати лет Слепухин руководил Литературным объединением Дома ученых в Санкт-Петербурге (сначала — в Ленинграде). Теперь оно носит имя писателя.

В 1963 году Ю. Г. Слепухин стал членом Союза писателей СССР, с 1992 был членом Союза писателей Санкт-Петербурга. Без всякого сомнения, на родине он полностью состоялся и как писатель, и как Гражданин с большой буквы. Однако жизнь Слепухина в советские времена совсем не была безоблачно благополучной. Произведения его хотя и издавались, но, в основном, маленьким тиражом. Иногда публикация откладывалась на годы, а то и десятилетия (!), поскольку авторское видение ситуации не вполне совпадало с официальным и, соответственно, созданная им картина мира отличалась от общепринятой. По этой же причине выход в свет слепухинских произведений критика, по большей части, словно не замечала. В результате, на настоящий момент, имя и творчество Ю. Г. Слепухина не достаточно известно массовому отечественному читателю. А между тем именно его произведения помогают значительно скорректировать взгляд на целый пласт российской и мировой истории, углубить понимание многих черт национального характера, узнать множество конкретных деталей, характерных для эпохи.

В творчестве Слепухина, отразившем его богатейший жизненный опыт, — две основных темы: Россия во Второй мировой войне и послевоенная русская эмиграция. Последняя интересна отечественному читателю уже тем, что знакомит

с малоизвестным социально-историческим феноменом. Раскрытие первой характеризуется специфическим даже не дву-, а многосторонним взглядом автора на ситуацию. Событиям Второй мировой войны Ю. Г. Слепухин посвятил тетралогия, над которой работал более полувека. Ее составили романы «Перекрёсток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почётно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000).

Все четыре романа связаны сквозным сюжетом и общей системой персонажей. Непосредственно действие романов разворачивается с осени 1939 до лета 1945 года, т. е. именно во время Второй мировой войны. Небольшие отсылки в прошлое несколько углубляют сюжет во времени, показывая отдельные эпизоды из предыстории героев. География романов также очень широка и, в основном, определяется войной. Все произведения отличаются глубокой исторической достоверностью и передают самый дух эпохи. Автор опирается не только на личный опыт, но и на официальные исторические документы, скрупулезно им проработанные.

Все книги, составляющие тетралогия Ю. Г. Слепухина о Второй мировой войне, по жанру — именно романы. Личностное становление и развитие героев, сложное переплетение их судеб составляют главное содержание каждого из них. Однако и эпический элемент в этих романах достаточно силен. «Мысль народная» здесь выражена полнокровно, изображаемые исторические события не только фон, на котором действуют герои, но важнейшая составляющая самого действия.

Ядро системы персонажей всей тетралогии формируется уже в «Перекрестке». Главная героиня этого романа — советская старшеклассница Татьяна Николаева. Отсыл к пушкинской Татьяне здесь очевиден и подтвержден в тексте. Автор явно подчеркивает, что эта девочка — «русская душой». Она даже формально немного «более русская», чем большинство других действующих в романе лиц. Выросшая в Москве, на Арбате, в украинский город Энск Таня переехала уже подростком. «Стон придушенного хохота стоял в классе на уроках украинского, когда, вызванная отвечать, Николаева вскакивала и принималась, как из пулемета тараторить

Шевченко, беззастенчиво коверкая певучие украинские вирши на кацапский лад».

Осиротевшая девочка поселилась у брата погибшего отца — «Дядясаши». Кадровый офицер, Николаев хотя и служил на Украине, по роду своей деятельности имел дело исключительно с государственным, русским языком. Вообще, жители Энска в романе, по крайней мере, те, с кем общается Николаева, в основном, — русскоязычны. Главные герои первого романа имеют также и русские фамилии. Лучшую подругу Тани зовут Людмилой Земцовой, юношу, которого она полюбила — Сергеем Дежневым. Однако многие персонажи носят фамилии украинские. (Только среди Таниных одноклассников — Ира Лисиченко, Володя Глушко, Толик Гнатюк и т. д.). Среди значимых действующих лиц романа много представителей разных национальностей: грек Жора Попандопуло, молодой лейтенант-армянин Виген Сароян, учитель истории по кличке Халдей — «маленький старичок в остроконечной тюбетейке, со сморщенным лицом смугло-желтого цвета и необыкновенно черными и густыми бровями». Все эти люди, как покажут дальнейшие события, по-настоящему «свои» для Николаевой. Они — земляки, соотечественники, часть одного с Таней народа. В отличие от врагов-оккупантов, посягнувших на свободу и земли этого, будь то немцы, итальянцы или румыны.

События, описанные в первом романе, происходят, главным образом, в Энске, крупном промышленном центре. С сентября 1939 по июль 1941 года Таня Николаева и Сергей Дежнев, учась, соответственно, сначала в 9-м, потом в 10-м классе, переживают первую для обоих любовь. Это не по годам серьезное чувство приносит им счастье, но и причиняет настоящие страдания. Молодые люди совершают ошибки, но исправляют их, сталкиваются с непониманием родных, но получают поддержку друзей. Их отношения складываются непросто и во многом определяются той социально-исторической ситуацией, в которой ребята живут.

В книге детально показан предвоенный быт «простого народа» в СССР и быт «советской элиты», акцентирована разница между уровнями жизни различных социальных групп, чуть не разрушившая светлое чувство Тани и Сергея.

С семьей Дежневых связаны темы труда на заводе и на стройках СССР и «зимней» (советско-финской) войны, в которой погиб старший брат Сергея. Работа на производстве, знакомая автору по личному аргентинскому опыту, показана подробно и многосторонне. Официальная идеология этого времени утверждала значимость и престижность труда в промышленном секторе. Городских школьников ориентировали именно на эту деятельность. Причем профессии, требующие теоретических знаний, были намного престижнее неквалифицированного труда. Сергей Дежнев, одаренный паренек из рабочей семьи, мечтает стать инженером и построить «завод будущего», где все процессы автоматизированы, а операторы в белых халатах только следят за работой станков. Пока же проводит летние каникулы на строительстве ТЭЦ, выполняя самую тяжелую и грязную работу.

Член семьи военнослужащего — Таня Николаева постоянно общается с офицерами и их семьями. В судьбах этих людей большую роль играют события, происходящие в «горячих точках» того времени: сначала в Монголии, потом в Финляндии. С начала Второй мировой войны в этих кругах горячо обсуждались операции на ее фронтах. Накладывают эти события отпечаток и на жизнь общества в целом. Особенно восприимчива к информации обо всем происходящем молодежь. «Весь девятый «А» был занят событиями на Карельском перешейке». «...в школе, где перед большой картой Франции постоянно толпились мальчишки...».

Интересные аспекты советской предвоенной жизни высвечивает судьба Людмилы Земцевой. Дочь крупного ученого, женщины — физика, Люда растет в очень специфической обстановке. В жилищном, материальном и бытовом смыслах она обеспечена лучше большинству своих сверстников, на уровне «элиты». Однако у девочки нет ни дома, ни семьи в полном смысле слова. Ее эмансипированная мать, искренне желая дочери добра, старательно воспитывает в ней самостоятельность и самодостаточность. Галина Николаевна Земцева сознательно искореняет женственность и в себе, и в своей дочери, поскольку «она несовместима со сколько бы то ни было серьезной деятельностью». Гипертрофированное стремление приносить своим трудом пользу, искусственно

и искусно подогреваемое признанием ее заслуг, подавляет в этой женщине почти все естественные человеческие чувства. Бесконечно совершенствуя свой и без того блестящий интеллект, она эмоционально не развита, совсем не воспринимает искусства, скептически относится к творчеству. И что самое страшное, не только не имеет эмоционального контакта с дочерью, но даже не подозревает, как много тем самым лишена.

Люда Земцева — девушка развитая, вдумчивая и рассудительная. К счастью, в ней достаточно сильна природная восприимчивость к искусству. Способность к анализу уживается с живым любопытством. Дневник Земцовой — важная часть сюжета всей тетралогии. Отрывки из него находятся в разных частях текста всех четырех книг. В первом романе девушка рассказывает об отношениях главных героев, излагает свое мнение о характере Татьяны, описывает школьный новогодний бал. Отражена и прокомментирована ею и история с «идеологическим промахом» Николаевой. В ноябре 1940 года, пионерский отряд, где Таня была вожатой, выпустил стенгазету, клеймящую «воздушных убийц Геринга». Это прямо противоречило официальной идеологии того периода и повлекло обвинения в идеологической диверсии. Людмила воспроизводит рассказы знакомых ленинградцев о финской войне и откликается на сообщение о бомбардировке Лондона. В том же дневнике дана информация о мобилизации молодежи в ремесленные и железнодорожные училища, а также в школы фабрично-заводского обучения в начале октября 1940 года, и о введении платы за обучение в старших классах средних школ и ВУЗах.

Земцева пишет и об ощущении жизненного «перекрестка», присущем выпускникам школы весной 1941 года. Этот мотив многократно повторялся в тексте романа и даже определил его название. Предчувствие приближающихся радикальных перемен, к сожалению, героев книги не обмануло. Заключительная, десятая глава последней, третьей части книги рассказывает о событиях в Энске в первый месяц Великой Отечественной войны. Прежняя жизнь героев, со всеми планами и надеждами осталась, словно, за чертой. Сразу же помыслы и действия большинства людей стали общими,

направленными на победу. Сергей Дежнев, дважды второгодник и потому — совершеннолетний, как и многие, идет на фронт добровольцем, вместе с мобилизованными они проходят ускоренный курс подготовки. Допризывная молодежь, в том числе Татьяна и ее одноклассники, буквально штурмуют военкомат и осаждают обком комсомола, также добиваясь отправки на фронт. Люся Земцева записывается на курсы санинструкторов, сама Таня по девять часов в день работает на строительстве укреплений, дежурит на крыше во время воздушных налетов.

Однако Слепухин показывает не только патриотический порыв народа, но и горькое недоумение. «Как это могло получиться, столько лет мы себе во всем отказывали, все в стране шло на оборону — а теперь собственных границ удержать не можем», — плачет жена советского офицера, и многие, в том числе и сам автор, разделяют ее чувства. Страдание и горе в этот первый военный месяц выпало на долю большинства персонажей «Перекрестка», что соответствует ситуации в стране в целом. Женщины провожают близких на фронт, в скверике Энска на узлах и чемоданах томятся беженцы, уже потерявшие свои дома. Советская армия один за другим сдает врагу города и села. По радио передают последние известия: «В населенном пункте Б. немецко-фашистские изверги согнали на площадь и расстреляли из пулеметов все мужское население от пятнадцати до сорока пяти лет; в этом же населенном пункте они изнасиловали нескольких школьниц, учениц девятого и десятого классов, а старика председателя колхоза разорвали пополам, привязав к двум танкам».

Расставаясь с любимой в результате собственного решения, Сергей вдруг явственно осознает: «Если он хотел защищать Таню — ему нужно было защищать и все остальное: всю их жизнь, весь привычный им и воспитавший их строй. Иначе быть не могло. И он не мог сделать это иначе, чем сделал. Иначе было нельзя». Финал романа символичен: на закате длинный эшелон с новобранцами идет на запад и словно вползает в разгорающееся зарево.

Настоящий пожар, и в прямом, и в переносном смысле слова пылает во второй книге тетралогии — «Тьма в полдень». Эпический элемент в этом романе выражен значительно

сильнее. Изображенные здесь события разворачиваются с начала августа 1941 по июль 1943. Действие происходит по обе стороны фронта, причем как на театре военных действий, так и в тылу. Во всех этих точках оказывается кто-либо из главных героев, знакомых читателю по «Перекрестку». Появляется и целый ряд новых персонажей, значимых и для развития сюжета, и для той общей картины мира, которую стремится представить автор.

Основу сюжета составляет повседневная жизнь в оккупированном Энске. Своевременная эвакуация жителей не была должным образом организована. Самолетом вывезли ценных специалистов, но без семей. Большую часть людей фактически бросили на произвол судьбы. Некоторые оборотистые и не слишком щепетильные люди спасали себя, и даже свое добро за счет жизни соотечественников. 12 августа 1941 года город подвергся жесточайшей бомбежке, превратившей значительную его часть в руины. Через Энск прошли колонны отступающих советских бойцов, толпы беженцев из уже занятых фашистами городов.

Метафора, предложенная Слепухиным для характеристики жизни при оккупантах, стала заглавием романа. «Оккупация пришла к ним не в огне и грохоте; она вползла и установилась как-то незаметно, как ясным днем подкрадывается тьма к солнцу перед затмением». Вступление фашистов в Энск изменяет саму систему нравственных координат. Голодающее население с упоением грабит склады, в особенности продовольственные. При этом многие убеждены, что делают благое дело, лишая захватчиков их потенциальной добычи.

В оккупированном Энске местное население переживало глубочайший квартирный кризис. «Сотни семей, выселенных из занятых немцами кварталов, вместе с теми, чьи жилища были разрушены августовской бомбежкой, и осевшими в Энске беженцами из других городов жили на окраинах, снимая иногда какой-нибудь чулан, наспех приспособленный под жилье». Люди, по большей части, просто вынуждены были «сотрудничать с немцами», чтобы выжить и прокормить семьи. Кроме того, регистрироваться на бирже труда вменялось законом под угрозой жестоких

репрессий. Жизнь, вообще, по характеристике Слепухина, была «странной, нереальной и словно придуманной». Николаева с иронией отметила, что сложился даже специфический «оккупационный жаргон»: в речи горожан появилось множество исковерканных немецких слов, отражавших новые реалии. Почти всю молодежь, в том числе — Таню мобилизовали на различные работы в городе и окрестных колхозах, а некоторых, среди них и Люсю Земцеву — насильственно угнали в Германию, фактически — в рабство.

Были люди, искренне убежденные, что работать на благо своих сограждан, даже при немцах, не только можно, но и нужно. Например, учить детей в школе, кем бы эта школа ни создавалась. Так поступил старый учитель литературы Сергей Митрофанович. Формально придерживался того же принципа и Жорж Попандопуло, открывая комиссионный магазин, хотя он-то, конечно, лукавил. Наконец, нашлись и такие, кто сознательно и охотно служил оккупантам — некоторые из меркантильных соображений, некоторые — по убеждению. В помощь немецкой администрации были созданы городская управа и местная полиция. Возникло и националистическое движение.

Затронута в романе и тема «окончательного решения еврейского вопроса» на оккупированных фашистами территориях. В Энске в апреле 1942 года появляется приказ, предписывающий всем евреям собраться 25 числа в 18.00 на стадионе «Динамо». Из разных источников становится известным, что планируется масштабная акция по уничтожению людей. Нашлись горожане, стремящиеся хоть чем-то помочь обреченным, Николаева — одна их них.

Важнейшим аспектом в изображении жизни оккупированного города является деятельность подпольной антифашистской организации. Она сильно отличается от подполья из хрестоматийной для советской литературы «Молодой гвардии» А. А. Фадеева. По трагической случайности при бомбардировке города в августе 1941 погибли все члены подпольного комитета Энска. Выжил только бывший комсорг той школы, где учились главные герои. Он, Леша Кривошеин вместе с Володей Глушко, выпускником все того же 10 «Б», в августовской бомбежке потерявшим всю семью, организовал

и возглавил в Энске сопротивление оккупантам. Маленькая группа самоотверженных патриотов успевает сделать не очень много. Они печатают и расклеивают листовки с подлинной информацией о положении дел на фронтах. Помогают укрыться тем, кого ищет полиция. Передают партизанам и через них советскому командованию сведения о войсках, расположенных в городе и окрестностях. А также убивают нескольких фашистов, в том числе — главу немецкой администрации округа. Татьяна Николаева принимает активное участие в работе этой организации. Именно она, устроившись машинисткой в немецкую администрацию, добывает секретные сведения. При этом девушка не только постоянно рискует жизнью, но и в полной мере испытывает на себе неприязнь и даже ненависть соотечественников.

Особый интерес представляет нехарактерная для советской литературы о войне фигура эмигранта-патриота. Кирилл Андреевич Болховитинов, потомственный орловский дворянин, семилетним ребенком попал в первую волну русской эмиграции. Он получил за границей хорошее образование и инженером немецкой фирмы прибыл в оккупированный Энск. Татьяна стала первой соотечественницей, с которой Болховитинов познакомился. Она же впоследствии привлекла его к финансированию подпольщиков, причем эмигрант знал, кому и за чем дает деньги. При этом девушка старательно подавляла в себе возникшую в ее душе привязанность к эмигранту, откровенно в нее влюбленному.

Много внимания уделяет автор романа событиям, происходившим на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1943 годах. Здесь рассказывается о боях в Подмоскowie, под Смоленском, в Донецких степях и под Харьковом. Завершается книга операцией на Курской дуге, которой Слепухин придает особое значение: «Третьи сутки непроницаемая завеса дыма и пыли висела над курскими полями, где на пространстве в несколько сот квадратных километров, в величайшей битве Второй мировой войны, решалась в эти дни судьба человечества, судьба всей планеты Земля».

В книге показаны солдатские будни, ежедневная «работа» обычных бойцов: рядовых и командиров. При этом фронт теснейшим образом связан с тылом. И не столько в

плане материального снабжения, сколько за счет ощущения людьми этого неразрывного единства. Большая часть фронтовиков постоянно думают о тех, кто остался в тылу. Их стремятся защитить даже ценой собственной жизни, ради них совершают, кто подвиги, а кто и подлости. К личному оружию приравнивает старшина подразделения, где служит Дежнев, фотографии близких, которые носят у сердца бойцы.

Сергей, начав войну рядовым, вскоре командирится на краткосрочные курсы и становится младшим лейтенантом. В дальнейшем, к концу войны читатель увидит его капитаном. Полковник Николаев к сентябрю 1942 года уже генерал-майор и командир танкового корпуса. Завершит войну он генерал-полковником, командующим армией. Таким образом, прослеживая военную эпопею своих героев, автор имеет возможность показать «окопную правду» в самых разных ракурсах.

Слепухин дает также собственные комментарии по поводу изображаемых военных событий — как конкретно-исторические, так и философски-обобщающие. Бои за Харьков в мае 1942 года названы им одной из самых трагических страниц истории войны. Писатель анализирует причины разгрома целой группировки, акцентирует бессмысленность жертвы, называет виновных. «И они пошли в наступление, по-солдатски беспрекословно доверив свою судьбу и судьбу операции тем, кто планировал ее там, наверху. Тем, кого они сами — народ, Родина — облекли почетом и властью, от кого в обмен на маршальские звезды и ордена требовалось одно: уметь руководить войной. Тем, кто обязан был заранее снабдить войска всем необходимым для крупномасштабного наступления, разведать оборону противника и правильно, тактически грамотно выбрать место и время для удара. Из этих трех условий победы не было соблюдено ни одного, но солдаты об этом не знали».

Большое историко-публицистическое отступление посвящает Слепухин ситуации, сложившейся на фронтах Великой Отечественной войны в августе 1942 года. По мнению писателя, опасность, угрожавшая России в этот период, была беспрецедентной. Угроза «вообще исчезнуть с лица земли», считает он, нависла в то время над страной. Дивизии Паулюса

вышли к Волге, это сформировало в народном сознании образ последнего рубежа, на котором непременно надо стоять насмерть. Слепухин полагает, что подобные критические ситуации определяют изменения в самой природе человека, мобилизует его внутренние ресурсы. Обычные люди, от рождения не наделенные никакими сверхчеловеческими возможностями или особыми доблестями, становятся способными на героические поступки, совершают подвиги. Выход фашистов к Волге Слепухин рассматривает, как поворотный момент в истории войны. Доведенный отступлением до самого предела, русский народ преломил ее ход, и она начала принимать совершенно иной характер. Наступательная инициатива была перехвачена у противника, обреченного тем самым на беспощадный тотальный разгром.

Другой значимой вехой в истории Великой Отечественной писатель называет битву на Курской дуге. Он полагает, что именно здесь, «на курских полях, как некогда на Бородинском поле» немецкая война «пришла к последнему своему рубежу». Специфику нового перелома в войне Слепухин характеризует следующим образом: «Немецкая война издыхала, и ей на смену рождалась русская, яростная и справедливая, как само Возмездие, — рождалась не в фальшивом блеске парадов, а в поту и крови тяжкого ратного труда. И сколько труда было еще впереди!»

Во второй книге тетралогии фронт показан, главным образом, с советской стороны, тыл — в той его части, которая находится на территории СССР. Кроме оккупированного Энска, это Тула, куда эвакуирована мать Дежнева и Москва, где Сергей, будучи проездом, встречается с генералом Николаевым. А также населенные пункты, освобождаемые советской армией по мере ее продвижения на запад. Немецкая армия представлена в этом романе, в основном, оккупантами в Энске и окрестностях. Лишь один небольшой эпизод, в самом начале, показывает вылетающих на задание пилотов. Это именно тот боевой вылет, в результате которого был разрушен Энск. Еще один эпизод отражает занятие немецкими войсками Северного Кавказа. Отрывок из дневника немецкого обер-лейтенанта, погибшего в этой операции, свидетельствует о нарастании

тревожных настроений у оккупантов, о потере их уверенности в своей правоте.

В романе Слепухина нашли отражение также некоторые стороны жизни нашей страны периода Великой Отечественной войны, чаще всего замалчиваемые в советской литературе. Во-первых, это лагеря для русских военнопленных на российской территории: контингент, бытовые реалии, настроения. Во-вторых, отечественные «остарбайтеры» в Германии. Первой из тем Слепухин посвящает развернутый эпизод, связанный с пребыванием в плену одного из главных героев. Вторая раскрывается, по большей части, в дневнике Люси Земцевой. Пока это только подступы к теме, которая получит исчерпывающее развитие в следующих романах. Как и тесно связанная с ней еще одна тема: антифашистского движения в самой Германии.

Третья книга тетралогии — роман «Сладостно и почетно» почти двадцать лет пролежал под сукном именно из-за тем, в советской художественной литературе о войне не принятых. Наиболее «криминальной» на излете 1960-х годов представлялась советским цензорам сюжетная линия любви советской девушки, комсомолки и немецкого офицера. Книгу не спас от запрета даже тот факт, что офицер являлся активным участником антигитлеровского заговора, в котором и погиб.

Назван роман словами Горация, утверждавшего: «Сладостно и почетно умереть за свое Отечество». Автор распространяет эту максиму на патриотов, вне зависимости от того, к которой из воюющих сторон они принадлежат, являются военными или гражданскими лицами. Главные герои этой книги — немецкие антифашисты, отдающие жизнь в борьбе с действующим режимом. Действие происходит, по большей части, в Германии. В основе сюжета судьба «восточной работницы» Людмилы Земцевой. На примере этого персонажа особенно наглядно проявляется двойственная природа романа. Это одновременно и самостоятельное завершенное повествование, и звено в цепочке текстов, связанных сюжетным единством. Писатель кратко повторяет факты биографии Людмилы, определившие ее появление в Германии. Те же факты в двух предыдущих книгах тетралогии

были показаны подробно во всей полноте взаимосвязей. Вопрос о подневольной рабочей силе, применяемой в фашистской Германии, здесь также только затронут, а дальнейшее развитие и полноту раскрытия получает в следующем, четвертом романе. Земцева — нетипичный «остарбайтер», Слепухину этот персонаж нужен не столько для того, чтобы охарактеризовать положение данной группы людей, сколько для введения в сюжет очень важных, подлинно исторических событий.

Людмила — отлично владеющая немецким языком интеллигентная девушка внешне похожая на красавицу с портрета итальянского мастера эпохи Возрождения. Благодаря этим качествам она избежала тяжелого физического труда на производстве или в сельском хозяйстве, выпавшего на долю большинства «восточных работниц». Ее определили в прислуги к профессору искусствоведения, гуманисту и либералу, искренне считающему гитлеровский режим гибельным, прежде всего, для самой Германии. В доме Штольницев девушка жила, фактически, на положении родственницы. С другом этой семьи, молодым немецким офицером ее связало глубокое взаимное чувство.

Эрих Дорнбергер, как и профессор Штольниц, был убежденным антифашистом. Он являлся участником антигитлеровского заговора фон Штауфенберга, принимал непосредственное участие в событиях 20 июля 1944 года. Он же привлек к подпольной антифашистской деятельности Штольница. Слепухин, опираясь на документы, подробно рассказывает о попытке высшего немецкого офицерства совершить государственный переворот и уничтожить Гитлера. В число действующих лиц он вводит реальные, исторические фигуры, создавая при этом полноценные художественные образы. Подлинные исторические события Слепухин также вписывает непосредственно в сюжет произведения. Подробным рассказом о репрессиях, последовавших за покушением, о последних днях заговорщиков и их казни писатель отдает дань памяти немцам, погибшим в борьбе с фашизмом.

В романе показано и другое, более раннее покушение на Гитлера. 13 марта 1943 года, когда фюрер прилетал в Смоленск, в его самолет была заложена бомба, которая не

сработала. Организаторы этого, тоже неудачного покушения — генерал фон Тресков и его адъютант лейтенант фон Шлабрендорф. Оба принимали участие и в июльском заговоре, оба погибли.

Заговорщики-военные принимали помощь отдельных штатских лиц, таких как Штольниц. Последние понимали степень риска, которому подвергались и многие из них, действительно, погибали. Наряду с этим, в Германии существовало и разветвленное гражданское антифашистское подполье. Рассказывая об этой организации, Слепухин отмечает разобщенность антигитлеровских сил внутри страны.

Показывая жизнь немецкого тыла, писатель стремится выдержать историческую правду во всем, не только точно изложить факты, но и дать им беспристрастную оценку. По одну сторону фронта, подчеркивает автор, находятся очень разные люди, векторы их действий зачастую разнонаправлены. Убежденные нацисты, борцы-антифашисты, мирное население, сочувствующее частично одним, частично — другим, а то и вовсе политически нейтральное. А, кроме того, военнопленные и рабочие, вывезенные с оккупированных территорий. Учитывая все это, автор не может не осудить той ужасной бомбардировки, которой союзные войска подвергли Дрезден. Подробное описание ее последствий перекликается с приведенным в самом начале второй книги описанием бомбежки Энска. В обоих случаях автор дает картину в двух ракурсах: глазами бомбящих и глазами жертв.

Глубокая симпатия и подлинное уважение автора к немецким антифашистам, психологически точное изображение сложных внутренних процессов, приводящих людей к такой, высшей форме патриотизма и исторически достоверная информация о степени распространенности антигитлеровских настроений в Германии делают роман «Сладостно и почетно» значительным явлением отечественной художественной литературы о Второй мировой войне.

Заключительный роман тетралогии «Ничего кроме надежды» смог появиться в печати только после перестройки в нашей стране. Автор датирует его 1966–1988 годами, показывая сколь долгой и непростой была работа над ним. (Интересно, что две первые книги тетралогии, в отличие от

двух последующих, опубликованы без авторской датировки). Третья и четвертая книги сначала представляли собой единый роман, назвавшийся «Час мужества». Попытка опубликовать его привела к тому, что не только само это произведение не было издано, но в течение десяти лет писателя вообще не печатали. Позднее автор разделил роман на две самостоятельные книги, дав каждой новое название.

Завершая тетралогию, автор подводит итоги и рассказанной им истории любви Татьяны и Сергея, и величайшего исторического события XX столетия. В книге много эпизодов и фактов, редко встречающихся, а то и вовсе отсутствующих в советской литературе. Резко и определенно высказывается писатель и в публицистических отступлениях. Он пытается охарактеризовать Вторую мировую войну как социально-историческое явление в политическом и философском аспектах.

В этом романе писатель всесторонне показывает жизнь «рабочего лагеря» в фашистской Германии. Рассказывает о подпольных организациях, создаваемых «остарбайтерами» для борьбы с фашизмом. Проследившая дальнейшие судьбы своих героев, Слепухин пишет о лагерях для «перемещенных лиц», затрагивает тему насильственной репатриации.

История любви главных героев приходит в последней книге тетралогии к своему драматическому завершению. Их взаимное чувство выдержало все испытания, однако, в судьбе каждого из них появился еще один человек. С Еленой, на которой из чувства долга женился Сергей, в повествование вводится три очень важных темы. Во-первых, тема сталинских репрессий: в предвоенные годы от них пострадала семья Елены. Во вторых, судьба этой женщины наглядно показывает, до какой степени губительна война для всего, что составляет само понятие «женственность». Извращенная логика войны самые чистые порывы и светлые намерения обращает в разрушение и гибель. Лена добровольно ушла на фронт вслед за любимым мужем. И этим фактом (невольным и сама того не зная) обрекла на смерть новорожденного сына и родителей мужа. Ее стремление вновь родить ребенка обернулось смертельным ударом для отношений Сергея и Татьяны. И, наконец, с Еленой связана тема ленинградской

блокады. Слепухин описывает город сразу после ее снятия. Скупыми, но очень выразительными штрихами, в основном, через рассказы очевидцев «по горячим следам», а также фиксируя отдельные детали послеблокадной жизни, писатель воссоздает пережитую городом трагедию. В публицистических отступлениях он гневно обличает руководство страны, прямо называя его виновным в том, что пришлось пережить блокадникам. Также думают и некоторые из его героев. Вернувшаяся с фронта Елена вспоминает, что заводы начали эвакуировать еще летом 1941. Значит, — заключает она, — знали, что возможно окружение города и все же не сделали должных запасов. Поэтому, с точки зрения молодой женщины, только погибший на фронте муж — жертва самой войны, остальная же ее семья, фактически, уничтожена советским руководством.

Гибель на фронте сам писатель тоже далеко не всегда считает оправданной. Многократно всплывают в разных книгах тетралогии упоминания о преступно-небережливом отношении некоторых командиров к солдатским жизням. С этой точки зрения огромные людские потери в блокадном Ленинграде Слепухин воспринимает также, как и огромные потери при штурме Берлина. Воспевая мужество и самоотверженность защитников города, преклоняясь перед храбростью воинов-освободителей, писатель все же с горечью утверждает, что большей части жертв в обоих этих случаях нужно и должно было избежать.

Штурм Берлина Слепухин называет «грязной политической игрой», оплаченной тысячами солдатских жизней. «Безумное, преступное дело этот штурм», — утверждает он и приходит к глубокому заключению, характеризующему уже войну в целом, — «Хотя, наверное, все тут закономерно. Вся война была настолько преступной и безумной, что и не могла завершиться ничем иным. Как чума, заразительны безумство и преступление, и этого тоже, видно, было не избежать. Такое время! Если применить старые критерии — обе стороны оказались зачумленными, каждая в своем роде. Те, кто руководил войной, все в конечном счете сравнялись в бесчеловечной жестокости, просто одни зверствовали над чужими народами, а другие — над своим собственным; кому что по душе».

Одним из проявлений этого «зверства» по отношению к советскому народу стали недоверие и подозрительность, с которыми столкнулись после войны на родине все, побывавшие в плену, в оккупации, угнанные в Германию на работу. Это коснулось обеих главных героинь тетралогии. Таня Николаева, во многом благодаря своему влиятельному дяде благополучно «прошла проверку», была признана невиновной. Однако оказался в заключении Кирилл Болховитинов, фиктивный брак с которым спас ее в Германии. Настоящий патриот, человек глубоко верующий, Болховитинов вернулся в СССР сознательно, хорошо понимая свою дальнейшую судьбу. Для Люси Земцевой, участницы антифашистского сопротивления в Германии, обрушившиеся на нее обвинения стали полной неожиданностью.

Пытаясь осмыслить значение Второй мировой войны в истории человечества, Слепухин особо подчеркивает, что важнейшая ее часть — Великая Отечественная война на излете XX столетия все еще оставалась во многом «засекреченной». По мнению писателя, очень много лжи было написано, много правды — скрыто и потому картина в целом оставалась искаженной. Он утверждал: «Правда об этой войне еще долго будет ненужной, вредной, взрывоопасной». Тетралогия самого Слепухина как раз и является попыткой создать правдивую, широкого охвата, отражающую суть этого исторического события, картину. Показать его нерасторжимую связь со всеми аспектами жизни страны, с «миром» в обоих исконных сочетаниях этого слова.

Чем дальше в историю уходит Великая Отечественная война, тем важнее для здоровья нации в целом знать и, главное, понимать подлинную историческую правду о ней. Особенно, в свете попыток некоторых политиков и историков пересмотреть итоги Второй мировой войны.

В 2005 году, к 60-летию Великой победы Благотворительный фонд им. Ю.Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам» начал издавать 5-ти томное собрание сочинений этого писателя. Годом позже, в 2006 увидел свет и второй том. В каждой из двух этих книг по два романа тетралогии Слепухина, которая сейчас, в год 65-летнего юбилея Победы вновь становится очень актуальной. «Романная» составляющая

этих произведений, глубокий психологизм и хороший русский язык органично сочетаются в них с историзмом и документальностью. Это, в свою очередь, определяет высокую художественную ценность тетралогии, делает ее чтением одновременно и познавательным, и увлекательным. Хочется верить, что произведения Ю. Г. Слепухина о войне станут, наконец, достоянием массового отечественного читателя. А их автор займет в истории русской литературы подобающее ему место.

СУДЬБА ОСТАРБАЙТЕРОВ В ТЕТРАЛОГИИ Ю. СЛЕПУХИНА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ¹

Слепухин — один из немногих писателей, чьи произведения о Второй мировой войне глубоко и всесторонне раскрывают тему насильственного вывоза рабочей силы с оккупированных территорий. В советской литературе о Великой Отечественной войне эта тема была глубоко вторичной, раскрывалась, главным образом, в аспекте неприятия населением этой акции, сопротивления ей. Судьбы остарбайтеров просматривались до момента их вывоза, реже приводились отдельные скудные сведения о тяжести подневольной жизни на Западе. Такие персонажи в советской литературе чаще всего — эпизодические.

После «перестройки» в нашей стране было опубликовано значительное число документальных и мемуарных произведений, раскрывающих эту тему. Но полноценного художественного эпического полотна, где такая сюжетная линия стала бы центральной, так и не появилось.

В тетралогии Слепухина судьба остарбайтеров оказывается в центре внимания автора, а само это явление прочнейшими нитями связано со всеми без исключения аспектами войны, более того, входит в состав причин, повлиявших

---

¹ Выступление на научной конференции «Юрий Слепухин. XX век. Судьба. Творчество: к 85-летию писателя»: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 1 марта 2012 г.

на ее исход. Соответственно, эту судьбу разделяют двое из трех главных героев произведения. Показательно то, что выпадает эта участь двум девушкам-одноклассницам, тогда как третий центральный персонаж, их общий однокашник мужского пола, оказывается на фронте. В случае с обеими героинями термин применим как в литературоведческом, так и оценочном употреблении. История жизни обеих девушек прослеживается с середины 1930-х годов, когда они еще были подростками, до осени победного 1945-го. Это позволяет писателю не только показать события, которые с ними происходят, но и объяснить многие особенности восприятия и поведения каждой из них в различных обстоятельствах. В то же время обе героини оказываются связанными с другими остарбайтерами, с одной стороны и с целым рядом представителей противоположной воюющей стороны, как военных, так и штатских, — с другой. Таким образом, картина жизни остарбайтеров показана разносторонне и достаточно полно, а морально-этическая оценка этого феномена дается сразу с нескольких точек зрения и разными способами. Это собственно авторский комментарий, содержащийся в речи повествователя. Взгляд самих остарбайтеров, выражающийся в диалогах и размышлениях персонажей, в дневниковых записях одной из героинь, Людмилы Земцовой. Высказывания по этому поводу отдельных представителей немецкой интеллигенции (военных и штатских), поведение по отношению к «восточным работникам» профашистски настроенных штатских внутри Германии.

Слепухин показывает, что отношение к отправке на работу в Германию большей частью населения оккупированных советских территорий изначально воспринималось резко негативно.

Оккупационная администрация в действительности хорошо это понимала. Так, Земцова в числе остарбайтеров оказывается в качестве наказания. Однако официальная позиция оккупационных властей в первые месяцы войны была совершенно иной. Мощные средства пропаганды пытались представить вывоз рабочей силы с оккупированных территорий культуртрегерской миссией. Первый эшелон с рабочей силой из Энска отправляли в чрезвычайно торжественной

обстановке: «были флаги, песни, духовой оркестр, играл марш, представитель гебитскомиссариата произнес энергичную речь...»²

Совсем иначе выглядела картина полтора года спустя, летом 1943. Все маски к этому времени были уже сорваны. На совещаниях оккупационной администрации открытым текстом говорится, что в Германии острая нехватка рабочей силы. Предлагается принять самые жесткие меры, чтобы отправить туда как можно больше остарбайтеров. В частности, не признавать медицинских документов, выписанных местными врачами. Справки о работе принимать только от немецких фирм, обеспечивающих военные нужды. И даже проводить настоящие облавы, в полном смысле слова хватая людей на улицах городов. В одну из таких облав попала Татьяна Николаева. Вместе со множеством других женщин, также схваченных буквально на улице, ее в спешном порядке отправили напрямик в Германию.

Еще один путь в «восточные работницы» прошли сестры из Краснодара: Анна и Надежда Харченко. Девушки покинули родину относительно добровольно, хотя, в действительности, другого пути у них не было. При немцах они работали в офицерской столовой посудомойками и хорошо понимали, что их ждет после освобождения города.

Жизнь остарбайтеров в самой Германии складывалась по-разному, но для большинства была очень тяжелой, как физически, так и морально. Даже Люда Земцова, попавшая в исключительную ситуацию, была значительно ущемлена в своих правах и унижена в человеческом достоинстве. Вариантов трудоустройства «восточных работников» — показывает Слепухин — было всего несколько, и выбор, как правило, зависел не от них. Слепухин четко прочерчивает все существовавшие возможности. Во-первых, это трудовые лагеря двух типов: заводские и резервные. В заводских, как правило, расположенных на самой территории предприятия «люди жили в бараках прямо рядом с цехами и месяцами не выходили “на волю”». Как отмечает писатель, эти лагеря «мало чем отличались от концентрационных»³. Условия труда в заводских

² Слепухин Ю. Г. Избранное. СПб., 2005. Т. 1. С. 556.

³ Там же. СПб., 2006. Т. 2. С. 99.

лагерях повсеместно были очень тяжелыми: *«рабочий день продолжался десять часов, мастера постоянно подгоняли, едва замешкаешься, чуть не палкой. Плохой была техника безопасности, многие <...> покалечились»*⁴.

Резервные лагеря по мере необходимости снабжали рабочей силой различные объекты: от промышленных предприятий до коммунального хозяйства. Жизнь в них была немного свободнее и сытнее.

Значительная часть дармовой иностранной рабочей силы использовалась в сельском хозяйстве. Кроме того в городах «восточные работницы» часто выполняли роль прислуги в немецких семьях.

В эту, последнюю категорию попала Земцова и таким образом *«оттягала у судьбы выигрышный билет»*⁵. Абсолютно нетипичная ситуация, в которой она оказалась, позволяет писателю решить сразу три задачи. Во-первых, отметить, что встречались, хотя и очень редко, и такие, почти идиллические варианты. Во-вторых, через противопоставление высветить судьбы еще нескольких «домашних помощниц» из остарбайтеров. И, в третьих, показать отношение к этому социальному явлению в среде немецкой интеллигенции. Один из лучших ее представителей — искусствовед Иоахим Штольниц, глубоко чуждый нацистской идеологии. Решительно отказавшись служить пропаганде фашизма, он значительно осложнил жизнь своей семье и в социальном, и в материальном аспектах. Более того, пришел к полному взаимонепониманию, даже взаимонеприятию с единственным сыном, офицером вермахта, убежденным нацистом. Родители фронтовика, Штольницы имели право на бесплатную «домашнюю помощницу» из числа остарбайтеров. Однако в таком использовании рабочей силы из оккупированных стран они видели современный вариант рабства, развращающий немецкий народ и порочащий его в глазах цивилизованного мира. Несмотря на свой возраст и связанные с ним бытовые трудности супруги долго отказывались от этой привилегии. И в конце концов взяли в свой дом девушку-иностранку,

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же.

главным образом, чтобы облегчить ее участь. Действительно, Людмила стала фактически приемной дочерью в этой семье. Но за пределами дома ей приходилось соблюдать правила поведения, обязательные для всех остарбайтеров. На одежде она должна была носить бело-голубую нашивку с буквами «OST». В трамвае стоять на задней площадке, не имея права войти в салон вагона. Выходя вечером на улицу без сопровождения, брать у «хозяев» специальное письменное разрешение. А для того, чтобы навестить соотечественниц в рабочем лагере, переодеться в грубую униформу, специально выдаваемую хозяевам для их «восточных работниц». Дневниковая запись Люси, сделанная в апреле 1943 года, рассказывает о весьма неприятном эпизоде. Сосед по дому, случайно увидевший девушку, обедающей вместе со Штольницами, доложил об этом в соответствующее управление. На вызванного туда профессора чиновник кричал и даже топал ногами за нарушение правил поведения с остарбайтерами. А затем вручил ему «Памятку по обращению с восточными работницами, занятыми в немецком домашнем хозяйстве» и велел выучить ее наизусть. К чести хозяина, он не изменил после этого инцидента порядков в своем доме, хотя сама Людмила предлагала ему это сделать.

Земцова прекрасно понимает, что при всех этих неприятных моментах она случайно оказалась в очень привилегированном положении. Автор подчеркивает: *«почти все, попавшие подобно ей в прислуги, жаловались на тяжелый труд, скверные условия, грубость хозяев»*⁶. Это показано на конкретных примерах. Зоя Мирошниченко, прибывшая с Людой одним эшелоном, жаловалась, что *«злыдни хозяева совсем ее довели, и ей теперь остается одно: поджечь дом и наложить на себя руки»*⁷. В дневнике Земцовой от 20.7.1942 конкретизировано положение, в котором девушка оказалась: *«хозяева отвратительные, у них рыбный магазин и работать ей приходится с утра до позднего вечера, выходных нет, только раз в месяц хозяйка отпускает ее в город часа на четыре. Вдобавок еще и злющая — шипит, ругается, бьет*

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 47.

по лицу из-за каждого пустяка..»⁸. Зоя показывала Люсе страшные синяки — хозяин избил ее за ошибку в сортировке рыбы.

Другая знакомая Людмилы по эшелону, Аня Левчук работала в немецкой семье целую зиму и рада была вернуться даже в трудовой лагерь. «Ты думаешь, в прислугах нашу сестру варениками кормят со сметаной?»⁹ — обращается она к приятельнице, рассказывая, что в действительности питалась все это время еще хуже, чем в лагере — объедками.

Из разговора с Зоей Земцова узнала, что, практически, все их общие знакомые по эшелону в неволе страдают. Веселой бойкой Наташе Демченко, которая в дороге была запевалой и заводилой, на заводе оторвало кисть левой руки. В дневнике после этой встречи Людмила записывает: «Плохо, в общем, всем. Относительно прилично устроились те, кто попал на небольшие фабрики. А на заводах, или у бауэров, или в городе в семьях — всюду каторга»¹⁰.

Проследившая судьбу Людмилы с первых минут немецкой неволи, Слепухин подробно описывает устройство двух пересылочных лагерей: на востоке Польши, в Перемышле, и в центре Германии в небольшом городке под Дрезденом.

В дневнике Земцовой подробно описана процедура первичного распределения «восточных работников», с горькой иронией приравненная ею к торговле на невольничьем рынке. Внешняя благопристойность происходящего в ощущении девушки вступает в резкий диссонанс с его сущностью: «Нас всех выстроили на плацу, там же стоял стол с несколькими чиновниками и кучкой толкались покупатели. Солидные такие бюргеры, пожилые, с толстыми портфелями светло-коричневой кожи. <...> Сначала вызывали <...> А потом просто ходили по рядам и вбирали — кому кто понравится»¹¹.

Тот же эпизод в другом романе излагается от авторского лица. Писатель вновь воспроизводит отношение девушки

⁸ Там же. Т. 1. С. 744.

⁹ Там же. Т. 2. С. 102.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 744.

¹¹ Там же. С. 568–569.

к происходящему и консолидируется с ним. Людмила здесь воспринимает происходящее, как «аукцион», хотя и не знает точно, полагается ли платить за работников или они распределяются как-нибудь иначе, например, по ордерам (последнее подтверждается ее собственной историей). Спокойно отбирающих «товар» оптом и в розницу людей автор называет (как и в дневнике героини) покупателями без кавычек.

Резко негативное отношение к современному рабовладению в виде бесплатного использования рабочей силы из оккупированных стран свойственно и антифашистски настроенному немецкому населению. Некоторые даже пользуются этим термином. Близкий друг семьи Штольницев, офицер вермахта Эрих Дорнбергер, узнав о появлении в доме работницы *«поднял брови: “Говоря откровенно, дядя Иоахим, роль рабовладельца вам не очень-то к лицу”*»¹².

Постоянно навещая знакомых в рабочем лагере, Земцова хорошо знает установленные там порядки, наблюдает повседневный быт обитателей резервного лагеря «Миктен-II». Типичность представленной Слепухиным картины подчеркивает тот факт, что лагерь «Шарнхорст» в Эссене, куда попала Татьяна, был устроен точно так же. Автор наглядно показывает, как сильно зависела жизнь остарбайтеров от личности коменданта. Первоначально временным комендантом «Шарнхорста» был старый школьный учитель Фишер. Его сменил профессиональный военный штурмовик шарфюрер Хакке. И сразу потребовал, чтобы количество проживающих по всем комнатам было одинаковым, без учета семейного статуса работников. Койки в комнатах по его приказу были выстроены в казарменном порядке, все занавески и перегородки — ликвидированы. Новый комендант ввел жесткую дисциплину, полное подчинение строжайшему режиму, позволял себе рукоприкладство.

Тане довелось поработать и в частном сельском хозяйстве. Однорукий зажиточный крестьянин Клоос оказался хозяином, по определению автора, передающего оценку работников — *«не из худших — без дела не придирался, хотя за небрежную работу мог наорать, а приставленная к коровам*

¹² Там же. Т. 2. С. 110.

*Света однажды схлопотала кнутовищем»*¹³. Правда, хозяин-крестьянин просто не сдержался, увидев, что она сыплет в бункер корморезки невытую свеклу. Очевидно, точно также он поступил бы, окажись на месте «восточной работницы» его собственная дочь.

В этом хозяйстве вместе с Таней работало еще четыре девушки из того же лагеря, три пожилых польки и несколько местных батраков. Крестьянский труд оказался очень тяжелым. Питание — простым, но обильным, безо всяких ограничений.

При этом девушки отмечают, что не плохое, в целом, отношение не означает, что хозяева считают их целиком равными себе или хотя бы вольнонаемным работникам. Их воспринимали как батраков низшего сорта, обязанных к тому же полностью подчиняться хозяевам в быту.

В деревушке с красивым названием Аппельдорн почти в каждом хозяйстве жили и работали молодые люди с Украины, в основном, девушки. У местного помещика барона Гюльхера русских работников было около десяти, главным образом, как раз юноши. Им был предоставлен целый дом на окраине поместья. Почти у всех остарбайтеров деревни воскресенья были свободными, а хозяева не возражали, чтобы работники ходили в гости и принимали гостей. Большая часть хозяев не настаивала даже на ношении знака «OST». Однако все эти послабления целиком зависели от характера и настроения хозяев.

Одна из важнейших тем, затронутых в тетралогии Слепухина — участие остарбайтеров в антифашистском сопротивлении внутри Германии. Обе главных героини оказываются вовлеченными в эту деятельность. Земцова, работая в немецкой семье, становится связующим звеном между немецкими антифашистами, с одной стороны и участниками сопротивления в лагере остарбайтеров, с другой. По ее просьбе Штольниц помог бежать из лагеря одной из девушек. Друг семьи Штольницев врач-антифашист Фетшер снабжает Люду лекарством, которое она через знакомых из трудового лагеря передает советским военнопленным. Другой друг этой семьи помог ей установить связь с коммунистическим подпольем Германии.

¹³ Там же. С. 705.

Вторая героиня, Татьяна, по поручению действующих в лагере участников сопротивления стала переводчицей коменданта. С большим риском для собственной жизни она подчистила списки рабочих, вписав туда «неучтенных» людей. Таким образом в этом относительно либеральном лагере удалось укрыть от гестапо нескольких подпольщиков.

Очень важный аспект судьбы остарбайтеров — их послевоенное будущее на Родине, также раскрыт в тетралогии Слепухина. Писатель показывает, что бывшие подневольные рабочие по окончании войны разделились на две разнонастроенные группы: одни хотели вернуться на родину или, как минимум, полагали это неизбежным. Другие прилагали активные усилия, чтобы возвращения избежать. Обе главных героини относятся к первой группе. Преодолев большие трудности, каждая из них добровольно вышла в советскую зону.

Сестры же Харченко, напротив, были в числе тех, кто всеми силами старался остаться на Западе. Их история наглядно показывает то сложное положение, в котором оказались в конце войны бывшие «восточные рабочие». Большинство из них хорошо понимало, что по возвращении на родину они, как минимум, могут быть заподозрены в сотрудничестве с врагом. И столь же хорошо представляло возможные последствия такого подозрения, а тем более — обвинения. Кроме того, как и Анна с Надеждой, многие невольно сравнивали уровень жизни в западных странах с предвоенным бытом в СССР (который, очевидно, вследствие войны мог стать только еще тяжелее).

В лагеря для перемещенных лиц сестры Харченко, как и большинство их обитателей, попали от полной безысходности. Автор называет положение этих людей «аховым»: *«Вчерашние остарбайтеры, освободившись, сразу сделались какими-то другими — пришибленными, осторожными, боялись лишнее слово сказать. Из них, правда, сразу выделилась группа активистов...»*¹⁴. Рассказывая о нелепых формах этой активности: громкое распевание советских песен, требование носить на рукаве красную повязку, организовать празднование Дня Парижской коммуны и дежурство у портрета Сталина

¹⁴ Там же. С. 873.

— писатель, отмечает и отношение к этой деятельности других обитателей лагеря. Анна, например, отдавая себе отчет, что «*ответ держать придется*» и что «*спрос теперь будет со всех один*» со злорадством думает: «*Может, горлопаны эти потому и проявляют столько сознательности, что у самих душа не на месте — заранее хотя бы выслужиться. Да только этим у нас хрен выслужишься...*»¹⁵.

Слепухин акцентирует, что все перемещения советских граждан производятся не только без их согласия, но даже и без предварительного уведомления. В западных зонах оккупации до окончания войны еще соблюдался некоторый декорум, так что представители союзников искренне уверены: «*насильно отправлять никого не будут, свобода выбирать место проживания есть право каждого человека, это демократия, за это и сражались против Гитлера...*»¹⁶. Советская репатриационная миссия в Брюсселе вынуждена выдать бывшим остарбайтерам временные пропуска, позволяющие ненадолго покидать лагерь. Однако попытавшихся воспользоваться этой льготой, чтобы остаться на Западе, в полном смысле слова вылавливают при помощи местной полиции по всей бельгийской столице. Делается все под видом заботы о советских гражданах. Но при этом Наде, например, было сказано прямо: «*И куда вас носит, чего бегае как малахольные, все равно ведь никого тут не оставят*»¹⁷. Позднее сама Надежда расскажет Тане о том, как «*вылавливали*», по ее собственному выражению, в Брюсселе пытавшихся уклониться от репатриации: одних выслеживали по месту жительства, других, сильно отличавшихся от местных жителей, хватали прямо на улицах, третьих в идеологическом ослеплении выдавали бельгийские коммунисты.

Вернувшихся на родину добровольно, Надя искренне считает и не стесняясь в лицо называет «*придурками*». Она завидует тем, у кого судьба сложилась, как у ее старшей сестры. Анна устроилась воспитателем в монастырскую школу и осталась в Бельгии. Надиными глазами видит автор

¹⁵ Там же. С. 874.

¹⁶ Там же. С. 875.

¹⁷ Там же. С. 878.

зловещую фальшь самого процесса возвращения оstarбайтеров домой: «Отправляли — ну чисто свадьба, машины все в зелени, разукрашены, через населенные пункты проезжаем — люди кричат, флажками машут. <...> А как Эльбу переехали, тут уж нас сразу за проволоку, и давай выкладывай — где была, чем занималась, как Родину продавала...»¹⁸.

Судьба бывших оstarбайтеров на родной земле также всесторонне исследована писателем. Надежда Харченко, благодаря здоровому природному инстинкту самосохранения и отсутствию излишней щепетильности попала в число легче всего отделавшихся. Девушка легко согласилась дать требуемые показания и выступить устно и письменно (в газете) с историей о похищении белоэмигрантами ее сестры, и чудесном спасении ее самой доблестными советскими военными. Благодаря этому Надя смогла попасть даже в военный ансамбль песни и пляски, хотя ни того, ни другого делать не умела.

Тяжелее пришлось Татьяне. Официальную «проверку» она смогла благополучно пройти только благодаря ближайшему родству с одним из высших военных руководителей страны. Несмотря на это «смягчающее обстоятельство» процедура оказалась длительной, тяжелой, унижительной и даже с применением физического воздействия. Николаева хорошо понимает, что другим, такого родства не имеющим, пришлось гораздо тяжелее. Но и признанным невинными, как показывает Танин опыт, тяжело жить среди соплеменников. Они словно стали чужими для всех, к ним относятся с подозрением и холодным любопытством, эмоционально отгораживаясь при этом незримой стеной. Николаева очень старалась понять причины этого отчуждения. По ее мнению — это различия в жизненном опыте, разный ракурс, в котором видели войну соотечественники, оказавшиеся по разные стороны границы.

Была и еще одна категория оstarбайтеров, в которую попала Людмила Земцова. Это люди — несправедливо обвиненные в предательстве и не имеющие никакой возможности доказать свою невинность, а иногда и героическую

---

¹⁸ Там же.

деятельность. Случай с Люсей достаточно типичен. Следователь-карьерист тщательно выстраивает реальные факты таким образом, чтобы иметь возможность разоблачить целый мифический заговор с участием американской разведки. Судьба самой девушки при этом мало его волнует, более того, для успеха всего предприятия ее обвинение необходимо, и значит, неизбежно.

История трех девушек наглядно показывает, что зачастую жертвами послевоенных репрессий становились как раз те патриоты, которые и в неволе, за рубежом активно боролись с поработителями. А потом искренне стремились любой ценой вернуться на родину. И наоборот, больше возможностей полностью себя оправдать имели люди рациональные и циничные, даже если они пытались на Западе остаться, но были возвращены насильно.

Остарбайтеры в тетралогии Слепухина — от главных героинь до второстепенных персонажей — это живые конкретные люди, каждый со своей неповторимой историей, своим индивидуальным характером. Совокупность этих неповторимостей и индивидуальностей дает автору возможность представить яркую, выразительную, полноценную картину, отражающую мало знакомый отечественному читателю аспект нашей истории. Картина эта мозаична, и каждый элемент этой мозаики органично вписан в живой, динамичный, увлекательный сюжет. Все это делает произведения Слепухина, перефразируя известное высказывание, книгами очень нужными и очень своевременными.

